

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ

Работа по курсу «Теории массовых коммуникаций»

*Физическая и историческая память в век компьютерной коммуникации
(полемика с Умберто Эко)*

Работа студента

5 курса д/о (гр. 518)

Дукова Дмитрия

Преподаватель

Засурский И. И.

Москва

2014

Начинать всегда трудно. Особенно, если хочешь сказать нечто важное, но не знаешь, как подступиться. И тем более, если это "нечто" касается памяти – одной из составляющих человеческого, неживотного существования. В таком случае в голове *вспоминаются* штампы: можно сказать, что Умберто Эко поднял в своем послании к внуку "важную проблему современности", можно отметить, что писатель затронул "серьезный философский вопрос", в конце концов, можно сделать как в школьных сочинениях - "Я согласен с Эко в том, что..."

Однако все это, мягко говоря, убого, и осознается сей факт практически сразу после того, как возникают фразы в памяти. И, фильтруя где-то прочитанные, где-то использованные формулировки, человек осуществляет основную функцию памяти как инструмента, сита для отделения старого от нового. Этого Эко не сказал. Но не стоит воспринимать эссе итальянского писателя "в лоб" - здесь, как и в его романах, существует несколько пластов, слоев.

Прежде всего, он обращает внимание своего внука на физическую функцию памяти - помнить конкретные вещи. Он советует ее тренировать, для чего предлагает выучивать по одному стихотворению в день.

В этом случае (рассматривая эту сторону памяти) с Эко трудно не согласиться. Например, один мой знакомый журналист, который работает в интернете, почти каждые десять минут лезет проверять написание каких-либо слов или постановку знаков препинания в Google. Притом закончил он с отличием филфак, и проблем с грамотностью у него нет. Как он говорил, "не чувствует уверенности". Ну, интернет ее дает. В общем, тут спорить не с чем

- легкодоступность информации сказывается на "мышцах" головы, если следовать аналогии Эко.

Только говоря об обогащении памяти, Эко в качестве "приза" предлагает внуку эрудицию, что, конечно, неплохо, однако узко и достаточно банально. Из серии "Зачем читать книжки". "Проживание тысячи жизней" и все такое прочее. На самом-то деле человек живет одну жизнь, постоянно пытаюсь об этом забыть. Но речь не о мировосприятии, а о добрых советах внуку, по всей видимости, подростку.

Другое дело, когда речь заходит об исторической памяти и понимании происходящих процессов. "Потом есть еще историческая память, которая не связана с фактами твоей жизни или с тем, что ты прочитал. Она хранит те события, которые случились до твоего рождения".

Здесь Эко затрагивает одну из человеческих вех - потребность в историческом соответствии. "Мы рождаемся в момент, когда уже произошло множество событий на протяжении сотен тысяч лет, и важно понять, что же случилось до нашего рождения", - пишет Эко, объясняя: "Это нужно для того, чтобы лучше понять, почему сегодня происходит столько новых событий".

То есть человек использует память в глобальном смысле (как функцию общества), чтобы получить представление об окружающей социальной среде, возыметь почву для своих убеждений.

Это опасно. Именно в современных российских реалиях это становится опасным. Молодое российское государство, в очередной раз пытающееся отыскать фундамент для дальнейшего становления, за неимением какой-либо идеи обращается к истории. Например, к Великой Отечественной войне. Вокруг этого трагического в мировом масштабе события государство решило объединить людей, что, собственно, не сложно - пока историческая память сильна. Однако со сменой нескольких поколений она ослабевает (это неизбежно, несмотря на призывы Эко к своему потомку). Гипотетический

внук гипотетического российского Эко будет считать события не чем-то реальным, а тем, что будет диктовать навязываемая государством традиция. Это-то и опасно. К примеру: так называемая "Георгиевская ленточка" (на самом деле гвардейская) в данный момент является противоречивым символом военной гордости (противоречие возникает из-за несогласия некоторых людей считать эту ленту именно этим символом - тут и политика, и эрудиция - традиционно символом победы был красный флаг). Однако сквозь призму поколений это на сегодняшний день ничтожное противостояние (за ленточку и против) может гиперболизироваться. Например, появятся уже не просто согласные и несогласные, а сторонники и противники. Идея, возникшая на почве исторической идентичности ("народ Победы"), превратится в разрушающий общество элемент. Опять же, на российской почве. Иллюстрацией этому может служить роман современного российского писателя Всеволода Бенигсена "ГенАцид". В нем рассказывается о вымышленном федеральном эксперименте - программе по "запоминанию" русского литературного наследства, когда между всеми россиянами распределяются по кусочкам произведения классиков, которые нужно выучить. При этом кому-то достался отрывок из лирики, а кому-то - прозы. Для жителей одной из деревень (в ней разворачивается действие романа) это стало основанием для разделения на два лагеря, и в конечном счете дело дошло даже до убийства. Идея, основанная на памятном наследстве, может заставить людей ориентироваться в готовых рамках, рассматривать происходящие события с точки зрения устаревшей действительности. Более того, этим очень просто манипулировать, что, например, видно по нагнетанию в государственных СМИ истерии вокруг якобы "захвативших Киев фашистов". Для этого достаточно подавать информацию избирательно.

Конечно, глупо безапелляционно утверждать, что от исторической памяти надо избавляться. Это невозможно. Однако подчинить ее безусловно можно. Сделать инструментом, объектом, а не социумообразующей призмой. "Но почему так важно знать о событиях далекого прошлого? Потому что часто

подобные знания помогают понять ход сегодняшних событий", - пишет Эко. Однако с помощью подобного подхода ты лишь будешь искать соломинку в прошлом. В каком-то смысле образование через историю нового общества 21 века высмеял писатель Владимир Сорокин в своих романах "День опричника" и "Сахарный Кремль". В них причудливые технологии, по большей части, родом из Китая, смешиваются с патриархальным монархическим обществом, традиционной формой российского государственного устройства. В многоэтажных домах появляются русские печи, опричники замещают силовиков, а простые семьи, члены которых в аптеках могут купить наркотики, зиждутся на "Домострое". Голова, повернутая назад, при том, что тело движется вперед, может не увидеть самого очевидного. Гораздо эффективнее изредка оборачиваться. Без исторической памяти сложно представить и искусство, в частности, литературу. Умберто Эко, советующий внуку читать "Трех мушкетеров", в своих произведениях обращается в еще более далекое прошлое. К примеру, действие романа "Имя розы" происходит в 14 веке. При этом книга была опубликована чуть более 30 лет назад и считается постмодернистским произведением. Постмодернизм, как течение, определяет веяния времени. Течения формируются исторически. "Волга впадает в Каспийское море". Зависимость литературы от памяти (исторической) как в содержательном, так и в теоретическом наполнении очевидна.

Однако против этого уже бунтовали. "Прошлое тесно. Академия и Пушкин непонятнее иероглифов. Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода современности", - кричали российские футуристы, давая "пощечину общественному вкусу". Чуть ранее итальянские футуристы в лице Филиппо Томмазо Маринетти твердили: "Дикому зверю хватит и чутья!.." Почему же они бунтовали против истории в искусстве? Затормаживает ли она развитие искусства? "Восхищаться старой картиной - значит заживо похоронить свои лучшие чувства. Чего ради растрчивать силы на никчемные

вздохи о прошлом? Это утомляет и изматывает, опустошает", - говорится в "Обосновании и манифесте футуризма".

Что касается дня сегодняшнего, то тут можно рассмотреть роман Михаила Шишкина "Письмовник". Это переписка двух влюбленных - солдата, участвующего в подавлении, вероятно, "Боксерского восстания" в Пекине (около 1900 года), и возлюбленной, которая живет намного позже героя, отчего их переписка становится вневременной и не особенно связанной. Роман посвящен серьезным темам коммуникации, слова, времени, войны. Однако читать его откровенно скучно; то есть речь идет не то, что о сюжете, а об отсутствии интереса к разматыванию накрученных автором узлов.

Возможно, все дело в "книжном" (историческом) взгляде Шишкина. Достоверность событий - восстания, воссозданного по мемуарам, цитатность (характерный для постмодернистской литературы принцип) - все это, возможно, устарело. Не пора ли вновь вносить коррективы в курс "корабля современности"?

"Наступит день, и ты состаришься, но ты будешь чувствовать, что прожил тысячу жизней - это можно сказать и про чтение, и про любые другие виды искусства, достаточно ими просто заниматься", - подчеркивает Эко, обращаясь к своему внуку и советуя расширять кругозор. И это хороший совет для обывателя (в хорошем смысле слова; простого человека), не создающего новую "жизнь" вместо тысяч уже созданных. Этот совет не для творцов. Творцам недостаточно "просто заниматься", им необходимо подчинить память, контролировать ее и безжалостно очищать от плевел зерна своей эрудиции. С другой стороны, уменьшить риск "заболеть болезнью Альцгеймера", тренируя память, - это равнозначная цель. Но на ином уровне.

Список литературы:

- "Письмо к внуку", "Имя розы" Умберто Эко
- "ГенАцид" Всеволод Бенигсен
- "День опричника", "Сахарный Кремль" Владимир Сорокин
- Сборник "Пощечина общественному вкусу" (18 декабря 1912 год)
- "Обоснование и манифест футуризма" Филиппо Томмазо Маринетти
- "Письмовник" Михаил Шишкин